

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СССР В ИТАЛИИ

УМБЕРТО ЧЕРРОНИ¹

I

Научные знания о Советском Союзе, его истории и культуре заметно расширились в Италии за последние 15 лет. Тем не менее и по своей глубине и по своему охвату они все еще не соответствуют тому значению, которое эта страна приобрела ныне во всех областях политической и культурной жизни. Мы вовсе не хотим сказать, что в Италии мало серьезных ученых, занимающихся СССР и его историей. Но у нас почти нет учреждений, способных организовать, координировать и стимулировать исторические исследования о Советском Союзе. Кроме того, итальянские специалисты по России сосредоточивают свое внимание на изучении истории литературы (особенно классической) и мало обращаются к истории СССР во всех других ее аспектах — социально-экономическом, политическом, философском и юридическом.

С нашей точки зрения существует две коренные причины такого положения. Во-первых, пренебрежение к изучению зарубежных культур, в течение долгого времени насаждавшееся в Италии. Фашизм в свое время пытался придать националистический характер этой тенденции, что усилило провинциализм нашей академической жизни и привело к национальной изоляции итальянской культуры². Во-вторых, сказалось преобладание идеалистических и эклектических историографических концепций, исключавших из сферы анализа социально-экономическую структуру современного общества. Игнорируя объективную реальность общества, ученые — носители этой традиции концентрировали свои усилия на изучении развития идей, оторванных от реального мира, или, говоря словами Кроче (под влиянием которого долгие годы находилась итальянская историография), на «истории духа». Подобные установки закономерно приводили к построению произвольных схем исторического процесса, как развития изначально присущей данному народу национально-специфической совокупности идей или его «гения». Такая методологическая традиция долгое время культивировалась в Италии идеализмом (прежде всего в его неогегельянском варианте Кроче и Джентиле), а также католицизмом (исключение составлял короткий промежуточный период господства позитивизма, ограниченного, впрочем

¹ Умберто Черрони — профессор Института Философии права Римского университета, автор многочисленных работ по проблемам философии, политической теории, истории политической мысли и права СССР.

² Следует напомнить, что серьезное изучение истории Соединенных Штатов Америки началось в Италии лишь в последние годы, в то время как изучение истории других стран — таких, как Япония, Индия, африканские страны, — фактически вообще еще не началось.

узостью своей методологии). Это объясняет, почему крупнейшие исторические явления современности остались вне поля зрения нашей науки и почему получили столь скудное развитие учреждения, которые должны были бы поощрять эти исследования.

Крах фашизма и поразительный рост влияния Советского Союза в международной политической, культурной и научной жизни выявили, хотя и не вполне исцелили эти болезни. Была осознана крайняя необходимость развития наших знаний об СССР; организовалась группа молодых ученых, воспитанная в духе самых современных теоретических и исторических идей. Намного увеличилось число переводов. Однако коренных сдвигов не произошло.

Потребности изучения СССР, осознанной в широких кругах интеллигенции, в значительной степени препятствовали — на официальном уровне — политические и идеологические предрассудки, природу которых легко понять. Сеть кафедр, специализированных институтов, журналов, сборников, — словом, весь тот аппарат, который может развиваться лишь при прямой заинтересованности и помощи государства, остался прежним. В высшей школе не наблюдается никакого обновления кадров, новое поколение славистов работает, как правило, вне академических культурных учреждений (журналы, общества и т. п.).

Лишь в последние годы, следовательно, с большим опозданием, появились признаки изменения этой тенденции: доказательство тому — заключение культурного соглашения с СССР, которое является несомненно, и обещанием на будущее. Центральной проблемой, которая стоит сегодня перед итальянскими учеными, изучающими СССР, является создание кафедр русского языка в средней школе, увеличение числа университетских кафедр русского языка и литературы, организация в высшей школе специализированных кафедр истории и экономики СССР, истории советского государства и права и т. д.³

II

Научное изучение России началось в Италии только после первой мировой войны. В эту эпоху оформилась научная организация изучения России и вообще славяноведения⁴.

В 1920 г. была основана кафедра русского языка и литературы (в Падуанском университете). Руководителем ее стал профессор Дживованни Мавер, а его преемником — профессор Этторе Ло Гатто⁵. Число подобных кафедр постепенно увеличивалось. В настоящее время функционируют четыре штатные кафедры русского языка и литературы: в университетах Рима и Триеста, в университетском институте «Ка Фоскари» в Венеции и в Высшем восточном институте в Неаполе (его руководитель профессор Леоне Пачини Савой занимается русским языком и литературой).

В университетах русский язык изучается лишь на факультетах литературы и философии, а в средних школах он вообще не преподается⁶.

³ В итальянской высшей школе существуют, например, курсы мусульманского права, но нет курсов права СССР или других социалистических стран.

⁴ Об истории славистики в Италии см. следующие работы: G. M a v e r. *La slavistica italiana nel decennio passato e i suoi compiti futuri* «Rivista di letterature slave», anno VI, 1931; A. C r o n i a. *Per la storia della slavistica in Italia. Appunti storico-bibliografici*, Zara, 1933; E. L o G a t t o. *Il contributo italiano agli studi nel campo della filologia slava negli ultimo cento anni. Un secolo di progresso scientifico italiano*, Roma, 1939; E. D a m i a n i. *Avviamento agli studi slavistici in Italia*, Milano, 1941; A. C a r p i t e l l a. *Per lo studio della lingua russa*, «Rassegna sovietica», 1956, № 1.

⁵ Напомним, что первая кафедра русского языка была учреждена еще в 1836 г.

⁶ Следует в связи с этим сказать, что общество «Италия — СССР» провело несколько совещаний, а также выступило в парламенте с предложением ввести преподавание русского языка в средних школах наряду с французским, английским, немецким и испанским языками.

Поэтому изучающие его лишены возможности использовать свои знания в школе. Это отталкивает молодежь от изучения языка, который в итальянской школе считается менее нужным, чем, например, такой мертвый язык, как древнегреческий.

Другие области русской культуры не изучаются. Лишь при Высшем восточном институте в Неаполе существует кафедра юридических учреждений Восточной Европы; доцент этой кафедры Томазо Наполитано специализируется по советскому праву⁷.

В итальянских университетах существует несколько институтов славянской филологии (среди которых особенно следует выделить институты в Падуе и Риме), которые, впрочем, не проявляют большой научной активности. Весьма ощутимо отсутствие какого бы то ни было института, занимающегося изучением истории СССР или исследованием отдельных ее аспектов (за исключением истории литературы). В этом отношении положение, на наш взгляд, в последние годы даже ухудшилось, поскольку с 1921 по 1944 г. в Риме существовал Институт Восточной Европы, который, хотя и подчинился впоследствии политическим и пропагандистским требованиям фашизма, однако собрал большой фонд русских книг и содействовал изучению русской истории⁸. После войны подобный институт не был создан, так как специализирующиеся в области изучения Восточной Европы молодые ученые не встретили никакой поддержки со стороны официальных кругов.

Весьма незначительное внимание уделяют изучению СССР другие институты: Международных политических исследований (ISPI) и Среднего и Дальнего Востока (ISMEO), которые в прошлом, напротив, проявляли большой интерес к истории и культуре Советского Союза.

С другой стороны, существуют центры, не входящие в государственную систему образования, где преподается русский язык. Речь идет о частных школах иностранных языков и переводческого дела, о нескольких культурных институтах, как, например, Институт Среднего и Дальнего Востока, руководимый профессором Джузеппе Туччи, и о многочисленных секциях общества «Италия — СССР»⁹.

Достойна всяческой похвалы деятельность итальянского Общества культурных связей с СССР, содействующая научному изучению истории советского общества и советской культуры¹⁰.

Специализированные фонды библиотек (по русской и советской тематике) не особенно велики и не упорядочены. Положение в этой области улучшилось лишь в последние годы. Следует, тем не менее, упомянуть библиотеки институтов славянской филологии в университетах Рима, Венеции и Падуи, Высшего восточного института в Неаполе, русский фонд национальной библиотеки в Риме, особенно богатой изданиями досоветского периода, и Александрийскую библиотеку при Римском университете.

⁷ Курс русского языка и русской юридической терминологии в течение нескольких лет велся в Римском университете проф. Антонино Курри.

⁸ Этот институт (его руководителем был Амедео Джанини) выпускал журнал «L'Europa Orientale» («Восточная Европа»), который уделял значительное внимание России. В институте сотрудничали многочисленные ученые различных специальностей, среди которых следует отметить Франческо Руффини, Никола Феста и Александро Казати.

⁹ Курсы русского языка с большим числом учащихся (более тысячи) организуются ежегодно при секциях: Турина, Милана, Венеции, Генуи, Флоренции, Болоньи, Рима, Палермо, Неаполя, Кальяри, Анконы, Равенны, Пизы, Триеста, Сиены, Ареццо. Проводятся также конференции, посвященные литературе, праву, экономике, искусству, философии СССР.

¹⁰ Это общество было основано в 1946 г. группой деятелей культуры. Его руководителем был вначале Гвидо Де Ружжиеро — историк философии, затем во главе его стал Антонио Банфи, известный философ-марксист. Секции общества существуют во многих итальянских городах, они устраивают собрания, посвященные проблемам культуры и науки, конференции, организуют культурный обмен между Италией и СССР.

Нужно, кроме того, назвать собрание советских работ (преимущественно по истории рабочего дореволюционного движения) Института Антонио Грамши в Риме и Института Фельтринели в Милане (в последнем находятся также комплекты русских журналов и газет XIX в.). Ряд библиотек организован обществом «Италия — СССР». В его центральной библиотеке «Антонио Банфи» (в Риме) наиболее полно представлена советская книжная и журнальная продукция за последние 10 лет¹¹.

Наконец, следует упомянуть о некоторых частных библиотеках отдельных ученых, которые служат весьма важным подспорьем для исследователей. Это относится, в частности, к библиотеке профессора Этторе Ло Гатто.

Фонды итальянских библиотек еще очень неполны, особенно в отношении литературы советского периода. Многие ученые вынуждены поэтому прибегать к помощи иностранных книгохранилищ (Парижа или Лондона). В последние годы положение постепенно улучшается благодаря развитию книгообмена с Советским Союзом. Однако крайний недостаток ощущается в литературе за период с 1917 по 1950 г. Кроме того, не имеется общего библиографического указателя и часто оставляют желать много лучшего (с точки зрения транскрипции) каталоги библиотек.

Отсутствие специализированных научных институтов явно затрудняет развитие исследований, их координацию. Подтверждением этому служит малочисленность журналов, посвященных изучению прошлого и настоящего России. В 20-х годах Ло Гатто проявил ценную инициативу — он основал журнал «Russia», где помещались исследования по литературе, истории и философии. На смену этому журналу пришел впоследствии «Rivista di letterature slave» («Журнал славянских литератур») — 1927—1932 гг. Одновременно продолжалось издание «L'Europa Orientale». После второй мировой войны в течение нескольких лет в Италии не было научного журнала такого рода.

В 1952 г. под редакцией Института славянской филологии в Риме и при участии всех итальянских преподавателей русского языка, литературы и истории России было начато издание журнала «Ricerche slavistiche» («Славянские исследования»), который занимается всеми славянскими странами и проявляет интерес главным образом к проблемам филологии и лингвистики¹².

¹¹ Эта библиотека, основанная в 1947 г., насчитывает сейчас около 10 тыс. книг (почти все изданы после 1945 г.), 300 комплектов журналов. Довольно богата также библиотека ватиканского католического института «Руссикум».

¹² Журнал возглавляется редакционной коллегией, в которую входят слависты Мавер, Ло Гатто, Рипеллино, Вердиани, Пикьо. С 1952 г. вышло 6 номеров. Чтобы дать представление о проблематике журнала, назовем опубликованные в нем исследования по истории русской культуры: № I: L. Pacini Savoj, Il «Revisore» e la «follia mistica» gogoliana («Ревизор» и мистическое помешательство Гоголя), F. Venturi. Il populismo di Cernyševskij («Народничество Чернышевского»); № II. A. M. Ripellino. Del teatro popolare russo («О русском народном театре»). № III. L. Gancikov. Dell'umiltà. Commento a «Il mantello» di N. V. Gogol («О смирении». Комментарий к «Шинели» Гоголя); E. Lo Gatto. Unità spirituale ed artistica di Cechov («Единство духовного лица и художественного творчества Чехова»); № IV. Ego же. Di alcune caratteristiche della lirica di amore di Puškin («О некоторых характерных чертах любовной лирики Пушкина»); L. Gancikov. In tema di obломovismo («Проблема обломовщины»); № V. N. Minissi. Criteri e metodi nella edizione e recensione della «Povest' vremennykh let» («Критерий и метод в издании и разборе «Повести временных лет»); Ego же. La personalità di Lermontov («Личность Лермонтова»); № VI. E. Lo Gatto. Su di un problema formale dell'«Onegin» di Puškin: le digressioni liriche («О проблемах формы в пушкинском «Онегине»: лирические отступления»). Ни в коей мере не желая преуменьшать значения филологических исследований, отметим все же явный, с нашей точки зрения, недостаток журнала, заключающийся в отсутствии интереса к истории общественной мысли, социально-экономических и политико-юридических учреждений.

Помимо этого, существует журнал «Rassegna Sovietica» («Советское обозрение»), издаваемый Обществом культурных связей с СССР. Журнал выходил вначале как «Rassegna della stampa Sovietica» («Обзор советской печати») и в течение нескольких лет занимался главным образом популяризацией советских материалов. Начиная с 1956 г. характер журнала резко изменился. Он стал научно-информационным и исследовательским органом, который сознательно выступил против сведения славистики к одной филологии и поставил своей целью изучение истории СССР не только в литературном, но и в экономическом, юридическом, философском и политическом аспектах. Особый интерес проявляет журнал к сегодняшней структуре советского общества и его культуре. Первую часть этого издания обычно составляют переводы (из советских журналов), вторую — оригинальные статьи, документы и информационный материал. Журналом руководят У. Черрони и П. Цветеремич¹³.

Общество культурных связей с СССР время от времени публикует серии библиографических бюллетеней, посвященных научным вопросам (в том числе экономике).

Следует сказать, что многие наши журналы время от времени печатают материалы по русской и советской культуре: информационные обзоры, переводы советских статей, исследования итальянских авторов. Это знаменательный факт — он показывает, что в последние годы произошли важные сдвиги в изучении русской и советской культуры. Сейчас встает вопрос о том, чтобы вновь свести воедино все исследования об СССР, дабы иметь цельное представление об этой стране, о ее общей исторической эволюции.

III

Монографические работы по русской истории были в Италии весьма редки. Они стали появляться после первой мировой войны, но, в отличие от литературоведов, историки не могли похвастать какими-либо заметными успехами¹⁴.

В течение долгих лет итальянцы знакомились с систематически изложенной историей России по переводной литературе¹⁵.

¹³ Подробнее о содержании журнала см. обзор Ю. И. Герасимовой («История СССР», 1959, № 1, стр. 221—228).

¹⁴ До первой мировой войны свои знания о России итальянцы черпали преимущественно из записок о путешествиях. Интересные сведения о русских обычаях содержались в знаменитом «Milione» Марко Поло и известной «Historia Mongolorum» («Истории монголов») Джiovанни Ди Пиан Дель Карпине. Отметим также: Ambrogio Contarini. Relazione del viaggio in Persia, Georgia, Russia meridionale (XV secolo); Alberto Campense. Lettere intorno alle cose di Moscovia al Beattissimo Padre Clemente (1523); Paolo Giovio. De legatione Basilii Principis Moschoviae Magni ad Clementem VII (1525); Giosaphat. Viaggi fatti da Venezia alla Tana, in Persia ecc. (1543); Alessandro Guagnino da Verona. Omnium Regionum Moscoviae (ecc.) sufficiens et vera descriptio (1560); F. Tiepolo. Relazione della Moscovia fatta l'anno 1560 (publicata però nel 1877); Antonio Possevino. Moscovia seu de rebus moscoviticis (1581); E. Zani. Relazione et viaggio della Moscovia (1610). Наиболее значительной среди подобного рода изданий была книга «Viaggi di Russia» («Путешествие по России») Франческо Альгаротти — итальянского просветителя, который был в Петербурге в 1738—1739 гг. В XIX в. о России писали Джузеппе Мадзини (автор славянских писем) и Николо Томассео. Конечно, отдельные упоминания о Русском государстве мы можем обнаружить в работах многих наших авторов по общей истории Европы. Любопытные высказывания о русской истории находим уже в «Истории Европы» Франческо Джамбуллари (1566 г.). Подробнее об этом см. F. Fioga. Tradizioni dei rapporti italo-russi («Традиции итало-русских связей»), «Rassegna Sovietica», 1958, № 1.

¹⁵ Первыми историями России, переведенными на итальянский были: P. Ch. Levesque. Storia du Russia (1784); N. G. Le Clerc. Storia fisica, morale, civile e politica della Russia (1785); M. Richer. Storia moderna dei Cinesi... dei Russi ecc. (1785); N. M. Karamsin. Storia dell'Impero di Russia (1820—1824); A. Rabbe. Storia della Russia (1831); J. M. Chopin. Russia (1842).

Среди первых книг по истории России, принадлежавших перу итальянских авторов, были следующие: «История русской империи вплоть до коронования императора Александра» Компаньони; «История России» Ж. Рубини; «История России, согласно самым современным исследованиям»¹⁶. Речь идет, как правило, об учебниках, популярных работах, теоретическая основа которых убога, а научная ценность очень мала.

После 1920 г. появляется целый ряд переводных трудов по истории России. В 1923 г. выходит «История России от древности до наших дней» Г. Степанова (впоследствии переиздавалась) — легко читающаяся обзорная работа. В 1925 г. была переведена работа Т. Г. Масарика «Россия и Европа» — книга, которая содействовала формированию иррационалистической концепции «русской души» (речь об этой концепции пойдет ниже). В 1929 г. была выпущена «История революции в России», довольно убогая работа, написанная русским эмигрантом М. Слонимом (который опубликовал ее же в 1920 г. под названием «От Петра Великого к Ленину»)¹⁷. Ученому русского происхождения Е. Шмурло мы обязаны первым обширным трудом по истории России, написанным на итальянском языке¹⁸. На позициях автора сильно отразилось влияние мистицизма и эклектизма, укоренившихся в западной славистике. Из работ итальянских авторов надо прежде всего отметить книгу «История России» («La Storia della Russia», Флоренция, 1947), принадлежащую перу Этторе Ло Гатто. Эта работа, содержащая обширнейший фактический материал и богатую библиографию, является фактически единственным подробным и систематическим итальянским трудом по истории России. Слабость книги Ло Гатто заключается в теоретических взглядах автора, которые, во многом соответствуют традиционным концепциям. Книга посвящена главным образом разбору политических событий, а также культурных течений и культурной жизни; анализу социально-экономической эволюции и революционного движения уделено гораздо меньшее внимание. Отсутствует, в частности, исследование коренных проблем развития классов в России. Тем не менее, повторяем, эта работа в целом является намного более значительной, чем любая другая, вышедшая в Италии.

IV.

Вследствие ограниченного характера славистских исследований в Италии и, в частности, изучения проблем исторического развития России будет более целесообразным построить наш обзор на основе анализа трудов отдельных ученых, а не литературы по тем или иным проблемам.

Этторе Ло Гатто явно выделяется среди своих коллег широтой разрабатываемой им проблематики, активной и непрерывной организационной работой по развитию славистских исследований в Италии. Ему мы обязаны как первыми точными, отвечающими современным требованиям переводами, так и первыми систематическими курсами всеобщей истории России и истории литературы¹⁹. Следует сказать, что

¹⁶ Compagnoni. La storia dell'Impero russo sino alla incoronazione dell'Imperatore Alessandro, 6 vol., Milano-Firenze, 1824 (2 и 3 изд. Livorno, 1829 и Рим, 1929); G. Rubini. La storia di Russia, Torino, 1958; «La Storia della Russia secondo gli studi più recenti» (2 vol., Milano, 1916).

¹⁷ См. G. Stepanov. La Storia della Russia delle origini ai giorni nostri, 1923; G. T. Masaryk. La Russia e l'Europa, 1925; M. Slonim. La Storia delle rivoluzioni in Russia, 1929.

¹⁸ E. Smurlo. Storia della Russia, 3 vol., Roma, 1928—1930.

¹⁹ Среди работ Ло Гатто отметим: «Saggi sulla cultura russa» («Статьи о русской культуре», Napoli, 1923); «Massimo Gorkij», Roma, 1924; «Studi di letterature slave» («Исследование славянских литератур»), 2 voll., Roma, 1925; «La servitù della gleba e il movimento di liberazione in Russia» («Крепостная зависимость и освободительное движение в России»), Bologna, 1925; «Storia della letteratura russa» («Исто-

работы Ло Гатто и его теоретические взгляды типичны для всего первого поколения исследователей русского и славянского мира. Они дали ценные исследования в области филологии, но мало внимания уделяли теоретическим проблемам историко-культурного развития России. Это относится и к исследованию основной из них — проблемы созревания гражданской культуры как зеркала революционного процесса, превратившего Россию в сегодняшний Советский Союз. Часто эти ученые сопротивлялись бредовым вымыслам фашизма и антисоветской пропаганде, но, в сущности, они внесли весьма малый вклад в научное исследование истории советского общества и революционного движения в России. Научная деятельность Ло Гатто показывает, что ни усердие филолога, ни богатый фактический материал не могут восполнить отсутствия методологии исторического исследования, позволяющей точно определить ключевые моменты в социально-экономическом развитии страны. Работы, подобные трудам Ло Гатто, не свободны и от мистико-иррационалистических извращений, которыми изобилует западная историография России. Сам Ло Гатто, будучи эклектиком, воспринял немало предвзятых концепций славянофильской школы, а также одного из направлений немецкой историографии (Гердер, Шлецер и их последователи). Эти концепции были развиты и продолжены в более близкое к нам время в иррационалистических философских построениях Бердяева и других белоэмигрантов, а также в книгах католиков, носивших не менее ярко выраженный мистический характер. На работах Ло Гатто сказалась его отрешенность от той теоретической дискуссии по основным проблемам современной культуры, которая началась в Италии после распада позитивистской школы.

Среди первого поколения итальянских славистов выделяются два молодых одаренных исследователя, которые были связаны с более современными направлениями: Пьеро Гобетти и Леоне Гинцбург²⁰. Их небольшие по объему работы содержали интересные критические замечания в адрес традиционной славистики, хотя авторам и самим, по существу, не удалось полностью освободиться от крошечанства. Наибольший интерес из работ Гобетти представляет его книга «Парадокс русского духа»²¹, в которой он делает первую в итальянской историографии попытку пересмотреть ходячие домыслы и мистические толкования русской истории и выступает против общей тенденции сводить ее лишь к истории русской мысли.

Гинцбург, родившийся в Одессе и приехавший в Италию ребенком, преподавал русскую литературу в Туринском университете в 1932—1933 гг., был затем осужден фашистским судом и вышел вновь на свободу в 1937 г. Затем он сотрудничал в издательстве «Эйнауди» — одном из центров антифашистской культуры. Это издательство и опубликовало посмертно сборник его заметок-статей и небольших исследований под заголовком «Русские писатели». Хотя книга Гинцбурга является в основном сборником очерков, посвященных литературе (Пушкину, Толстому, Тургеневу, Достоевскому, Горькому), она выдвигает требование глубокого и многостороннего познания русского мира. «Необходимо,—

рия русской литературы»), Roma, 1927; «Letteratura russa» («Русская литература»), Roma, 1928; «Letteratura sovietista» («Советская литература»), Roma, 1928; «La letteratura russa del secolo XX», («Русская литература XX века»), Roma, 1928; «Note di storia e di letteratura russa» («Заметки о русской истории и литературе»), Roma, 1931; «URSS, 1931» («СССР в 1931 г.»), Roma, 1931; «Gli artisti italiani in Russia» («Итальянские артисты в Москве»), 3 voll., Roma, 1934; «Il teatro russo» («Русский театр»), Milano, 1937; «In Russia» («В России»), Roma, 1938; «Momenti e figure della storia russa» («События и деятели русской истории»). Rocca San Casciano. 1953; Storia del teatro russo («История русского театра»), Milano, 1944; Puskin («Пушкин»), Milano, 1959 (премия Вифреджо, 1960).

²⁰ Напомним, что Гобетти и Гинцбург приняли активное участие в борьбе против фашизма. Гинцбург погиб в Римской тюрьме в период германской оккупации.

²¹ P. Gobetti. Il paradosse della spirito russo. Torino, 1926.

писал Гинцбург, — чтобы тот, кто занимается русской литературой, знал о стране, которая ее породила, гораздо больше, чем мы обычно знаем сейчас»²².

Это требование было воспринято Вольфом Джусти, заставив его приступить к исследованию истории общественно-политической мысли в еще более широком плане — политической истории России. Эволюция Джусти представляется довольно поучительной. Либерал по убеждениям, он первым в Италии дал ценные исследования по истории русской мысли XVIII—XIX вв. и, изучая ее, поставил проблему преемственности между русской освободительной традицией и социалистическим развитием СССР²³.

Особенностью его трудов было то, что в своих исследованиях он пытался обнаружить связь либерального направления русской общественной мысли с политическим и культурным развитием России. Однако, скованный своим мировоззрением либерала, Джусти увидел в ограниченности и распаде русского либерализма истинную «драму» России, не имевшей среднего класса, способного приобщиться к конституционным и философско-научным традициям Запада. «Отсюда, — пишет Джусти, — явная недостаточность ясности и мужества, отсутствие веры в собственные силы, свойственные русской философской, исторической и политической мысли в целом». «Основные черты истории России, — заключает он, — определяются тем фактом, что ни умеренно-либеральное, ни якобинское (с социалистической окраской) течения не имели сил создать новый строй. Тем не менее радикальное течение преобладает в известной мере над либеральным: явление характерное для отсталой и примитивной страны»²⁴. По мнению Джусти, в наиболее развитых в политическом и социальном отношении странах только либеральное движение является жизненным и «вполне зрелым». Из этой предвзятой мысли он выводит и «невозможность» социалистического движения в наиболее развитых странах Запада!

Джусти явно не понял наиболее оригинальных и теоретически богатых аспектов русской революционно-демократической мысли и был вообще склонен втиснуть ее в свою либеральную схему. Так, он ни слова не говорит о Белинском, и не обращает должного внимания на методологическое и историографическое значение теоретических споров Ленина с народниками, которые, с нашей точки зрения, являются одной из отправных точек для понимания современного исторического развития России²⁵. С другой стороны, то обстоятельство, что Джусти открывает

²² L. Ginzburg. Scrittori Russo. Torino, 1948, p. 195—198.

²³ Профессор Триестского университета Джусти является автором многочисленных работ: «Studi sul pensiero illuministico liberale russo nei secoli XVIII—XIX» («Исследования по истории русского либерального просветительства XVIII—XIX вв.»), Roma, 1918; «A Puskin storico e la generazione dei decabristi» («Пушкин — историк и поколение декабристов»), Roma, 1937; «Il pensiero politico russo dal decabrisimo alla guerra mondiale» («Русская политическая мысль от декабристов до мировой войны»), Milano, 1939; «Documenti intorno alla rivoluzione russa» («Документы о русской революции»), Milano, 1940; «Il Mazzini e gli slavi», («Мадзини и славяне»), Milano, 1940; «Il Panslavismo» («Панславизм»), Milano, 1941; «Due secoli di pensiero politico russo» («Два века политической мысли в России»), Firenze, 1943; «Il pensiero di Lenin» («Идеи Ленина»), Roma, 1945; «Dostoevskij e il mondo russo dell' 800» («Достоевский и русский мир XIX в.»), Napoli, 1952 и др. Помимо этого, Джусти занимался русской, украинской, чешской, словацкой, сербской и болгарской литературой.

²⁴ W. Giusti. Due secoli di pensiero politico russo, p. 10—39.

²⁵ См. об этом У. Черро ни. За развитие исторических исследований о России («Rassegna Sovietica», 1958, № 1). Великая заслуга Ленина, с нашей точки зрения, заключается в том, что он, опираясь на «Капитал» Маркса, дал пример взаимосвязи теории и практики в социально-историческом исследовании России. В «Что такое «друзья народа?»» и в последующих работах Ленин критикует теорию «исключительности» русского исторического процесса, требует рассматривать его в рамках общей истории социально-экономических формаций и приступает затем, опираясь на эти новые методологические установки, к изучению особенностей капитализма в России. Другими словами, Ленин исходит из того, что нация является частью мира, но что,

эволюцию общественной мысли от объективного процесса социально-экономического развития, заставляет его видеть в современных русских политических течениях прежде всего их «импортный характер». Таким образом, он игнорирует их сущность, отражающую определенную социально-историческую обстановку в России.

Результат, к которому приходит Джустини в своих работах, знаменателен. Сведя историческое развитие к филиации идей, пытаясь обойтись без понятия социально-экономических формаций при анализе истории данной страны, Джустини неизбежно приходит к тому, что его исследования прослеживают скорее историю либеральных идей в России, а не историю русского общества. Он идет по той же дороге, что и Гобетти, но в обратном направлении. В то время как для Гобетти социалистическое завершение современной русской истории было взлетом русского либерализма, для Джустини оно представляет трагедию страны, неспособной породить устойчивый либерализм. Таким образом, и для первого и для второго история могла быть только историей либеральных идей, а социализм входил в нее лишь в той мере, в какой он принимался ими за продолжение или отрицание либерализма. Тем не менее, важная заслуга Джустини состоит в том, что он обратил внимание ученых на анализ русской общественно-политической мысли и заложил первооснову для научной дискуссии в этой области. Однако, подменив подлинную историю России историей либеральных идей, Джустини в своих последних работах при объяснении современных явлений социалистической действительности вынужден обращаться к иррационалистическим и мистическим версиям (хотя сам же он, как либерал, сумел выявить просветительское направление русской культуры XVIII—XIX вв.)²⁶.

Интересно отметить, что в распространенных мессианистском, мистическом и славянофильском толкованиях русской истории легко заметить стремление к тенденциозному растворению всей исторической проблематики не просто в развитии идей (избранных идей), но и более того, в ранних периодах развития. Объективно весь комплекс исторического материала таким образом обесценивается и затушевывается, поскольку все внимание исследователя поглощается поисками некоторых вечных духовных черт народа. «Душа народа», отыскиваемая в эпохах, предшествовавших формированию наций или даже в период формирования племен, затем провозглашается естественной основой национальной цивилизации.

Отсюда тяготение целой ветви западной славистики, особо вдохновленной темой славянского мистицизма, к исследованию фольклора или — в более широком плане — первоначальной структуры славянской общины, которая трактуется как первооснова всей русской цивилизации. И в Италии проявляется тенденция такого рода. Сошлемся, например, на Эвеля Гаспарини, серьезного ученого-филолога и автора интересных заметок о русской культуре, который ныне целиком поглощен проблемой структуры первобытной славянской общины²⁷.

с другой стороны, мир состоит из наций. Обобщение исторических законов всегда находится в зависимости от конкретно-исторического анализа, даже не будучи связано в данном тексте с эмпирическим материалом, поскольку это обобщение само является составной частью историко-социальной практики человечества. К сожалению, Джустини и многие другие слависты уделяют исследованиям Ленина в области русской истории чрезвычайно мало внимания.

²⁶ Тенденции такого рода замечаются уже в его книгах «Панславизм» и «Достоевский и русский мир с XIX века», но они усилились в недавних небольших работах Джустини, например, в статье «Россия и славянский мир в европейской цивилизации», опубликованной в журнале «Humanitas» (1957, № 10—11). Здесь Джустини вновь принимает за путеводную нить культурной истории России то мистическое направление, которое сконструировали слависты традиционной школы: от славянофилов и Чаадаева к Достоевскому, Соловьеву и символизму начала XX в. Джустини растворяет в этом направлении все другие элементы русской культуры и возрождает, таким образом, обычные домыслы о мистической и мессианской «русской душе».

²⁷ Из работ Эвеля Гаспарини, профессора университета в Венеции, отметим:

Мы не думаем, что это явление случайно. Оно связано с идеалистической методологией ученых, с отказом от признания решающего значения объективных социально-экономических факторов и с вытекающим отсюда упрощением исторического процесса. Исторический смысл такой культуры, как русская, сводится, например, к понятию мистической мессианской «русской души», составные части которой разыскиваются в «вечной духовной структуре», характерной для русского мира. Но именно потому, что история трактуется как форма развития абсолютных (внеисторических) идей, в тот момент, когда ученый пытается (а он не может не делать этого!) целостно воспроизвести этот развивающийся исторический процесс, процесс этот застывает у него под пером, становится неподвижным и предстает как эволюция природы²⁸.

Вспомним, что в самой русской славянофильской литературе одной из основных была как раз тема возвращения к «извечному призванию» славян (тема, которая составила основу теории «исключительности» русского исторического развития не только в концепциях славянофилов, но и — конечно, с некоторыми видоизменениями — у самих народников). Модернизация славистских исследований не помешала тому, что и в Италии (где сказывается лишь косвенное влияние эмигрантской русско-славянофильской школы, которая, по-видимому, все еще доминирует в Америке) многие историки возвратились к этой концепции, хотя она была совершенно бесплодной для понимания современных социалистических преобразований русского общества. Концепция эта была прежде всего подхвачена учеными-католиками, у которых этнографическое исследование потеряло, в сущности, всякое специфическое значение и свелось лишь к подбору совокупности избранных идей, характеризующих «русскую духовность» и ее неизменной, естественной и потому врожденной (не исторической) основе. Остановимся в связи с этим на крайнем проявлении подобных тенденций. Речь идет о католическом ученом Гульельмо Гуарилья²⁹. Идя по стопам Зайферта, Шуберта, Шленглера, Кологривова и Гаспарини, Гуарилья попытался построить схему всей исторической и культурной эволюции России на мистической и мессианской основе, узрев в социалистических преобразованиях не что иное, как последнее историческое проявление «мессианского призвания» России. Вряд ли стоит доказывать научную никчемность подобного намерения навязать русской истории одеяние по заранее заготовленной теологами мерке. Тем не менее стоит процитировать несколько отрывков из книги Гуарилья. Он пишет: «Тот, кто хотя бы впервые знакомится с русской культурой XIX и XX веков, вполношенной в работах великих мыслителей и знаменитых писателей — от Чаадаева до Соловьева, от Достоевского до Толстого и Мережковского, — почти непрерывно наталкивается на одну идею, которая, окрашиваясь в разные социальные и политические оттенки, имеет всегда религиозную основу... Это идея великой миссии, которую Россия призвана выполнить в мире во имя всеобщего братства и ради спасения, благосостояния и мира всех народов». Оценивая такое сложное явление современной истории, как

«Elementi della personalita di Dostoevskij» («Личность Достоевского»). Roma, 1928; «La cultura della steppe. Morfologia della civiltà russa» («Культура степей. Морфология русской цивилизации»), Roma, 1925; «Morfologia della cultura russa. Il dramma dell'intelligenza» («Морфология русской культуры; Драма интеллигенции»), Padova, 1940; «Le previsioni di S. Leontiev» («Пророчества Леонтьева»), Padova — Venezia, 1947. В последние годы Гаспарини опубликовал ряд материалов, посвященных первобытной славянской общине.

²⁸ В связи с этим напомним о критике, развернутой Марксом по адресу тегелевской методологии, которую он определил как идеалистическое гипостазирование, находящее свое возмездие в грубой абсолютизации одного определенного эмпирического историко-социального строя, как естественного, а потому вечного и неизменного.

²⁹ Гуарилья является автором книги «Il messianismo russo» («Русский мессианизм»), Рим, 1956. Кроме того, он опубликовал статью, заголовок которой показателен — «Мессианское сознание России и политический хилизм Востока» («Studium», 1957, № 12).

переход России к социализму, Гуарилья, пренебрегая исследованием исторических причин этого события, ограничивается лишь тем, что объявляет социализм новым проявлением мессианства. При этом Гуарилья убежден, что таким путем ему удалось разрешить «видимое противоречие между видениями православной России, еще вчера глубоко религиозной, и социальными свершениями коммунистической России, явно и сознательно атеистической»³⁰. Таким образом, мы, собственно говоря, не узнаем ничего об истории новой России — речь в книге идет все о той же старой мессианской идее, которая от происхождения славянских племен и до запуска спутника непрерывно порождает свои собственные исторические проявления.

Прочитируем несколько отрывков, чтобы показать результаты подобных установок. Русская культура превращается у Гуарилья в неизменную, застывшую категорию, основными чертами которой являются: «чувство бесконечного», обязанное своим происхождением русскому «пейзажу, бескрайнему и не облагороженному рукой человека (как это имеет место на Западе) даже сейчас, вопреки гигантским индустриальным усилиям советского режима»; «чувство крайних противоположностей» — оно вытекает из особенностей климата и объясняет «таинственные диссонансы в душе русского человека», которого «долгая и холодная зима заставляет прекратить всякую деятельность и погрузиться в глубокие размышления и которого короткое жаркое лето вынуждает к усердной деятельности». Затем следуют чувство «страха» «смирения» и «характерное чувство фатализма, которое господствует в духовной жизни русского». Элементы эти «порождены» и чисто идеальными началами «русской души», но выводятся они, в конечном итоге, как мы видели, из самой грубой материальности: материальности природы, не тронутой человеком. Далее Гуарилья перечисляет «характерные черты русской благочестивости»: «монашеское воспитание», «евангелический мистицизм», «восторженное богослужение», «вселенский эсхатологизм», «трепетное ожидание всемирного искупления», наконец, «дух всепроникающего смирения, который состоит из терпеливого молчания, отрешенности от земных благ и покорности горю» и составляет «национальный идеал». Именно эти «характерные» черты (каждой из них Гуарилья посвящает по параграфу!) раскрывают все «секреты» русской истории и обнаруживаются с равным успехом как в Хомякове, так и в Чернышевском, как в иезуите Гагарине, так и в марксисте Ленине!³¹

Конечно, мы должны рассматривать труды Гуарилья как «крайний случай». Тем не менее несомненно, что в течение многих десятилетий на Западе преобладала, по существу, подобная «интерпретация» истории России и соответствующее толкование русской культуры, литературы и философии. Укажем в связи с этим, что в прошлом распространение русской литературы мистико-религиозного направления было в Италии весьма значительным, равно как и публикация (особенно под редакцией католических издателей) итальянских или иностранных работ по данной тематике³². В 40-е годы традиция этих исследований о «религиоз-

³⁰ G. Guariglia. Il messianismo russo, p. 57.

³¹ Там же, стр. 34, 36, 55 и др.

³² Из книг подобного рода назовем: A. Palmieri. La Chiesa russa le sue odierne condizioni e il suo riformismo dottrinale. («Русская церковь, ее сегодняшние условия и реформизм ее доктрины»), Bologna, 1947; Brian-Chaninov. La chiesa russa («Русская церковь»), Vicenza, 1931; I. Kologrivov. Il cristianesimo russo ortodosso («Русское православное христианство»), Milano, 1947; J. N. Danzas. La coscienza religiosa russa («Русское религиозное сознание»), Brescia, 1947. Сборник работ русских мистиков под редакцией Б. Шульце был издан под заголовком «Pensatori russi di fronte a Cristo» («Русские мыслители перед лицом Христа»), 2 vol., Firenze, 1947, 1949. Сошлемся, наконец, на опубликованную иезуитом Амманом «Историю церкви в России и странах-лимитрофах» («La Storia della Chiesa russa e dei paesi limitrofi»), Torino, 1948, а также на книгу С. Gatti, S. Korolevskij. I riti e le Chiese orientali («Восточные церкви и ритуалы»).

ном и мистическом призвании» России была «освежена» переводом многочисленных работ Н. Бердяева, которому, в свою очередь, посвящено несколько монографий³³. С мистической и мессианистской интерпретацией русской культуры часто можно встретиться и на страницах таких католических журналов, как «Civiltà cattolica», «Studium», «Humanitas», проводящих настойчивую кампанию за объединение восточной церкви вокруг папского престола. Но научное и культурное значение этого вида литературы практически равно нулю.

Заслугой некоторых итальянских ученых, воспитанных в духе более современных идей, был резкий протест против подобного направления в славистике. Они не только противопоставили ему иную точку зрения, но — что важнее — углубили свой анализ, связав его с подлинной историей России, и, таким образом, занялись конкретным изучением социально-исторического развития этой страны.

Мы должны прежде всего упомянуть двух историков, которые с различных теоретических позиций первыми приступили к научным исследованиям большой важности и привлекли внимание итальянских ученых к проблемам русской истории, ранее находившимся в забвении. Мы имеем в виду Джузеппе Берти и Франко Вентури³⁴.

Берти, наверное, больше, чем кто бы то ни было, сделал для того, чтобы познакомить Италию с идейным наследием русских революционеров-демократов, которое прежними исследователями либо замалчивалось, либо представлялось в искаженном виде.

Берти по-новому поставил вопрос об основополагающей русской культурной традиции — он искал ее не в религиозности, а в стремлении к прогрессу, к революционным преобразованиям, к установлению тесной связи с европейской культурой. Ему удалось также более правильно оценить различные направления в русской литературе и особенно в эстетике. Мы не отрицаем, что и в работах итальянских ученых иногда ощущалась переоценка достижений русской революционно-демократической мысли XIX в., которую хотели чересчур сблизить с марксистской идеологией. Но этот недостаток, частично обусловленный полемикой со старой славистикой, а частично связанный, быть может, с некритическим восприятием крайних суждений некоторых советских историков, не мешал, тем не менее, сделать большой шаг вперед в итальянской науке. Началась, по существу, разработка вопроса, который представляется нам решающим для понимания развития русской культуры (и, в частности, общественной мысли) — вопроса о ее необычайно боевом, гражданском характере, о быстром критическом переосмыслении ею либеральных и умеренных рецептов буржуазных демократов Запада и переходе к постановке проблем, ответ на которые давала уже западная социа-

³³ F. Tangini. Il personalismo religioso di N. Berdjaev («Религиозный персонализм Н. Бердяева»), Milano, 1943; D. Del Bo. Persona e società nella filosofia di Berdjaev («Личность и общество в философии Бердяева»), Padova, 1944; S. Bussègi. Berdjaev. Brescia, 1949.

³⁴ Джузеппе Берти — историк-марксист, в течение ряда лет был генеральным секретарем итальянского Общества культурных связей с СССР. Несколько его работ по истории русской культуры напечатаны в журналах «Società» и «Rinascita», он был редактором антологии «Il pensiero democratico russo del XIX secolo», («Русская демократическая мысль XIX века»), Firenze, 1950, включавшей произведения Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Берти предпослал антологии обширное и глубокое предисловие, в котором он стремился прежде всего показать самобытность русских мыслителей, до тех пор мало известных в Италии. Ему принадлежал также богато документированный труд «Russia e stati italiani nel Risorgimento» («Россия и итальянские государства в период Рисорджименто»), Torino, 1957. Франко Вентури — профессор новой истории в Туринском университете, был сотрудником итальянского посольства в Москве. Им написано несколько книг: «Il populismo russo» («Русское народничество»), 2 vol., Torino, 1952; «I fratelli Poggio e il movimento decabrista» («Братья Поджо и движение декабристов»), Torino, 1956; «Esuli russi in Piemonte nel 48» («Русские эмигранты в Пьемонте в 1848 г.»). Torino, 1959. Кроме того, он публиковал ряд статей и исследований в исторических журналах.

листическая критика. Несомненно, есть доля истины в утверждении Джусты, что в России буржуазная политическая теория была менее разработана, что класс буржуазии слишком поздно стал носителем либеральных идей и что это обусловило очень быстрое слияние демократизма и социализма. Несомненно верно, что задачи революционного преобразования были в России более актуальными чем где-либо в Европе, и это практически направило основную интеллектуальную энергию России по революционному пути. Собственный политический опыт бурно созревающих русских прогрессивных социальных сил позволил им преодолеть умеренные политические позиции буржуазного конституционализма и со всей решительностью поставить проблему теоретической разработки социалистического пути. В самом деле, если приписать своеобразное развитие передовой русской мысли лишь недостаточной способности к систематизации, свойственной русской философской школе, как это делают некоторые авторы, мы не сумеем понять, каким образом в конце XIX в. в России произошел подлинный расцвет социалистических идей, вершиной которых явились имеющие мировое значение работы Ленина. Мы считаем, что в России произошло обратное тому, что говорил Маркс о Германии своего времени. Немцы, по словам Маркса, были лишь теоретическими современниками самих себя, не будучи современниками практически-политическими. В России же глубочайшее противоречие между старыми, отжившими феодальными и институтами и рождающимися пролетарскими силами, которые уже отрицали буржуазные порядки, обусловило выдвижение на первый план проблем исторической революционной практики, которую только Ленин в конце века сумел познать и разработать в теоретическом плане.

С этой точки зрения особый интерес представляет история русского народничества, которой Вентури посвятил обширную работу. В Италии именно он первым исследовал эту важнейшую тему в плане научного историографического анализа, освободив ее от старых упрощенческих схем. Благодаря большому объему приведенных им документов итальянские ученые смогли заняться углубленным анализом основных проблем истории народничества. Речь идет прежде всего о том, чтобы выявить глубокие противоречия внутри народнического движения, твердо сохраняя в то же время представление о нем, как о едином целом — или, иначе говоря, избежать как сведения всех взглядов народников к общему идеологическо-политическому знаменателю (как это склонен делать Вентури), так и преувеличения дифференциации различных ветвей народничества. Но, рассматривая народничество как единое целое, нельзя, конечно, забывать о политическом процессе, начало которому было положено возникновением рабочего движения и постановкой новых социально-политических проблем. Этот процесс для одного крыла народничества завершился отходом на умеренные позиции, а для другого — напротив, созреванием в нем марксистских тенденций (и здесь, конечно, весьма показателен пример Плеханова).

Конечно, исследования такого рода все еще очень трудны для итальянских ученых, которые не располагают достаточной источниковедческой базой. Однако очень важно, что убеждение в необходимости подобных исследований уже созрело — ведь только таким образом изучение России может быть освобождено от соблазнов «объяснить» ее историю с позиций мистицизма, от разглагольствований на тему о «русской душе», от схематических построений, отрицающих оригинальность русской философско-политической мысли. Только развиваясь в этом направлении, изучение истории России станет в полном смысле слова историографией Советского Союза, т. е. общественного организма, в своем историческом развитии закономерно пришедшего к социализму, который, конечно, не мог упасть с неба, равно как и не мог представить собой очередное, «энное» воплощение мессианской идеи спасения!

В заключение следует сказать следующее. Перед итальянскими исследователями истории СССР стоят, как нам кажется, две задачи. Прежде всего необходимо понимание связей между русской историей и сегодняшней советской действительностью (отсюда потребность в анализе тех аспектов развития русского общества и тех культурных тенденций, которые являются связующими звеньями между прошлым и настоящим), равно как и различий между ними — теоретических и социальных. Далее необходимо отказаться от понимания русского исторического процесса, как исключительно культурной эволюции; в работах исследователей культура должна занять, конечно, важное место, но лишь в той мере, в какой она связана с развитием объективных социальных отношений.

Такова, с нашей точки зрения, правильная линия, которая пробивает себе дорогу. Она позволит также пересмотреть и исправить ряд неверных суждений о некоторых проблемах самой истории русской литературы³⁵.

Знаменем времени является сегодня также рост числа переводов трудов советских историков³⁶ и информационных материалов о марксистских исторических исследованиях, проводимых в СССР³⁷. Конечно, многое еще остается сделать и в этой области, но мы верим, что здесь уже заложена прочная основа, вокруг которой сплачиваются молодые, энергичные, ищущие силы. Мы верим, что вскоре сможет быть преодолено противоречие между потенциальной способностью к исследованию, которой обладает итальянская наука, и реальной возможностью претворить эту способность в жизнь. Тогда в Италии появятся исследователи русской истории, которые завершат обновление нашей методологии и выработку современных научных представлений.

³⁵ Молодые способные специалисты по русской и советской литературе в последние годы внесли новый дух и в эту сферу исследований. Упомянем здесь имена Анжело Мария Рипеллино, Пьетро Цветеремича, Витторни Отрада, Игнацис Амброджо, Эридано Бадзарели. А за ними уже вырисовывается новое, еще более молодое и многообещающее поколение.

³⁶ В последние годы переведены многочисленные работы Тарле, книги и статьи Грекова, Потемкина, Ковалева, Машкина, Керженцева, Ерусалимского, Утченко, Тихомирова, Вилпера, Смириня.

³⁷ Упомянем обширный обзор Л. Ганчикова «Русская историческая наука в XIX и XX веках» («Questioni di Storia contemporanea», Milano, 1954), а также информационные материалы, публикующиеся в «Rassegna Sovietica».

